

От народа «в себе» к народу «для себя»

Илья ЛЕВЯШ,
доктор
философских наук

Проблемный характер формирования идеологии Республики Беларусь подтверждает *неклассический* характер процесса, который она призвана выразить, – становления новой государственности. Если созданию наций-государств предшествовали столетия идеологического по своей сути, глубокого и напряженного предвидения и проектирования будущего общества, то обвального распада СССР не предвидел никто. Достаточно напомнить темп провозглашения государственного суверенитета нашей страны. Согласно чешскому афоризму, для этого понадобилось «в Польше – 10 лет, в Венгрии – 10 месяцев, в ГДР – 10 недель, в Чехословакии – 10 дней», а Беларуси оказалось достаточно одного дня – дня Беловежского соглашения. *Проблема* – в ясном понимании сущности идеологии, ее конкретно-исторических субъектов, смысловой структуры и векторов.

Большая идеология *востребована вновь*, и об этом, исключая растерявшихся постмодернистов, заявляют «властители дум» нашего времени. Так, британский профессор Л. Зидентоп пишет «к вопросу об «идеологии»: «...не принимая ее роли всерьез, невозможно разобраться в *природе* болезни... двадцатого века... В основе любого стабильного социума лежит общность мировоззрения, придающая определенность планам людей на будущее и создающая предпосылки для сотрудничества и мирного разрешения конфликтов. Без такой общности взглядов на жизнь граждане лишаются четкой цели, к которой нужно стремиться» [1, с. 81]. Как отмечает экс-президент Международной социологической ассоциации И. Валлерстайн, «если политические перемены считаются нормой и если повсеместно признано, что суверенитет принадлежит народу, то вопрос состоит в том, как усмирить тигра или, говоря более строго, как умерить стихию, преодолеть смуту и раскол в обществе, но при этом остаться на пути перемен. Для этого и нужны идеологии – политические программы для управления переменами» [2, с. 198].

Если исходить из того, что такая идеология по определению является смыслообразующим ядром политической программы, то ее востребованность, по существу, новым государством – Республикой Беларусь зависит, во-первых, от реальной *субъектности* народа Беларуси, во-вто-

рых, от степени зрелости *структуры* идеологии, наконец, от интегративного вектора ее дальнейшего развития.

СУБЪЕКТ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

Зрелость идеологии – естественно-исторический продукт формирования качественно новых, структурно сложных и динамичных *наций-государств*. Родовод наций един и неделим. Они становятся продуктом общности исторической судьбы различных этносов в едином цивилизационном «теле» – политической организации и культурном духе – национальной идее и ментальности. Быть *нацией*, а не только зваться ею, значит достигнуть органичной полиэтнической, политической и социокультурной целостности. Ни одна из составных этого триединства не самодостаточна. Взятая отдельно, совокупность этносов – это лишь население, а нередко и Вавилон. Политическая организация также еще не способна творить органическую общность людей. Римская империя не создала римскую нацию. Создание государства, провозглашение его суверенитета, формирование его внешних признаков и символов – необходимое, но недостаточное условие самоидентификации народа, если он на ментальном уровне не выработал и на концептуальной вершине не сформулировал национальную идею.

В таком контексте характерная для белорусских этнорадикалов тенденция свести национальную идею к **суверенитету**, т.е. к **внешней** свободе без напряженного труда **внутренней** свободы – обновления содержания народной жизни, ограничению формой – борьбой за монополию белорусского языка, свидетельствует о незавершенности становления современной белорусской нации, подмене глубокого осмысления проблемной реальности мифоводом. Вместо квалифицированно оперирования различными по смыслу общецивилизационными понятиями **этнoса** и **нации, этнонациогенеза** ими манипулируют как тождественными. Такой софизм влечет за собой далеко идущие последствия, опасно воспроизводя узнаваемый неорганичный симбиоз «старшего» и «младших» братьев.

В действительности *народ* Беларуси – это исторически сложившаяся на территории Беларуси полиэтническая общность людей, объединенных единой Родиной, судьбой, интересами и ценностями. А *белорусский народ* – синоним титульного белорусского этноса, который сформировался в основном из славянского и балтского компонентов («русинов» и «литвинов») и создал (самостоятельно или в сотрудничестве с другими народами) традицию государственности и одну из оригинальных славянских культур.

Ясно различим водораздел между различными версиями белорусской национальной идеи. В *этнократическом* варианте это националистическая версия самоидентификации титульного этноса как его монополии на белорусскую государственность и контроля над другими этносами Беларуси. В противоположность такой трактовке, национальная идея народа Беларуси – это его концептуально выраженная самоидентификация как возрождающейся (в иной интерпретации – становящейся) полиэтнической, социокультурной и политической общности, нации-государства.

Суверенная нация-государство невозможна без идеологии. Таковы реалии, которые требуют активно утверждать **общебелорусскую** идею и практику. Еще на пресс-конференции 17 сентября 2002 года Президент А.Г. Лукашенко констатировал, что «белорусская идея не выработана», и признал неудачу попыток создать

государственную идеологию. Этого следовало ожидать. Государственная идеология легитимна и жизнеспособна лишь как грань более емкой и смыслообразующей **национально-государственной** идеологии, в которой воплощены ценности, смыслы и ориентиры не только государства, но совокупного субъекта истории и современности – единого и неделимого народа. Он способен быть «в себе», заблуждаться, но и, опираясь на интеллект и волю своих мыслителей, быть «для себя», адекватно выражать свою идентичность и на этой основе формулировать «послание миру» о смысле своего бытия [см. об этом: 3; 4; 5].

Понятна и благородна мотивация тех, кто предлагает определять идеологию Республики Беларусь просто как «государственную». Такая редакция однозначно лишает маневра этнорадикалов, и не только белорусских, но и российских шовинистов, для которых Беларусь остается, по сути, «Северо-Западным краем» былой империи. Однако государство должно открытым текстом подчеркивать, что является идейно-политическим выразителем и гарантом **субъектности** народа Беларуси как **полиэтнической** общности.

С ОПОРОЙ НА ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Редукция белорусской **национально-государственной идеи** только к государственному сегменту таит в себе и более существенный недостаток – недооценку

ОБ АВТОРЕ

ЛЕВЯШ Илья Яковлевич.

Родился в 1937 году. В 1960 году окончил Одесский государственный университет им. И.И. Мечникова. В 1968 году защитил кандидатскую диссертацию по философии в Институте философии АН СССР. Работал преподавателем в различных учреждениях образования, в том числе Иерусалимском университете, заведовал кафедрой философии Николаевского кораблестроительного института, кафедрой культурологии Минского лингвистического университета. В настоящее время – главный научный сотрудник Института экономики НАН Беларуси. Доктор философских наук (1977), профессор.

Опубликовал более 200 научных работ, свыше десятка монографий. Действительный член Всемирной академии наук, образования и гуманитаристики (Испания); Российской академии гуманитарных наук, член-корреспондент Евразийской академии.

Сфера научных интересов: постдисциплинарное знание как синтез социальной философии, культурологии, глобалистики, геополитики, регионалистики, философии образования.

современных представлений о нации, которая не сводима даже к полиэтничности и представляет собою взаимосвязь государства и гражданского общества.

Гражданское общество (ГО) – это сфера свободы личностей и социальных групп в определенном контексте. Его можно определить в триединстве выполняемых функций.

Государство	Гражданское общество
1. Политическая организация, управление	1. Неполитическая самоорганизация, самоуправление
2. Институт реализации общих интересов	2. Институт реализации частных интересов
3. Коммуникации	3. Общение

По **первой** позиции принципиально важно выяснить, что государство – институт политической, а ГО – **неполитической** деятельности.

Применительно ко **второй** позиции государство и ГО устойчиво различаются как носители **общих** и **частных** интересов. Начиная с Руссо известно, что государственные интересы являются не суммой всех общественных интересов, а их ядром, которое обеспечивает целостность, творит жизнеспособную нацию-государство. Русский монархист И. Солоневич писал: «Нация, или лучше «земля» – как сообщество племен, народов и даже рас, объединенных общностью судеб и не разделенных племенным соперничеством. Государственность как политическое оформление интересов всей «земли», а не победоносных племен, рас, классов и прочего» [6, с. 256–257]. Установление баланса между общими интересами государства и частными интересами ГО возможно на основе **общественного договора** между ними.

Третья позиция – различие государства как коммуникации и ГО как общения. Общение (непосредственное или опосредованное) по объему совпадает с социальными отношениями, или коммуникациями. Однако:

Коммуникации	Общение
Универсальные	Локальное
Объективные	Субъективное
Опосредованные	Непосредственное
Анонимные, безличностные	Персонифицированное, личностное
Относительно устойчивые	Динамичное, ситуационное

Слово «коммуникация» (communicare – совещаться с кем-либо) совсем недавно утратило свой изначальный этимологический смысл. В условиях коммуникационной революции «общий интерес» опосредуется многообразными государственными структурами и технологиями. Они адресованы практически всем, являются анонимными, безличностными и обладают принудительной силой. Их устойчивое воспроизводство, «узнаваемость» обеспечивают стабильность социальных коммуникаций.

Для зрелого индивида – личности – коммуникационное взаимодействие необходимо, но недостаточно. Общности или группы гражданского общества не претендуют на универсальность и ее всеобщую и принудительную силу. Ограничиваясь локальными рамками, они инициативно создают гибкую сетевую структуру общения. У нее есть базовые потребности не только гражданина (государства), но и человека.

Исходя из относительной противоположности и вместе с тем взаимосвязи отмеченных функций государства и ГО, между ними нет причинно-следственной связи. Они не выводимы друг из друга и функционально связаны по принципу дополнительности. Поэтому дискуссия о том, «что первично» – государство или ГО – напоминает «важный спор» о преимуществах шкуры зубра перед чешуей рыбы. Продолжая метафорический ряд, государство и ГО напоминают два полушария головного мозга. Взятые отдельно, они лишь «серое вещество», но вместе они – мозг.

Следовательно, рациональная стратегия заключается в органическом **взаимодействии** государства и ГО. Государство должно быть чутким к потребностям и потенциалу ГО, а оно, в свою очередь, следовать духу общественного договора с государством как политическим «полпредом» своих общих интересов. Но это не означает, что ГО предписано быть политизированным, вследствие чего, как отмечается в литературе, «происходит обмен качествами – политичность гражданского общества и гражданственность политического» [7, с. 136]. Это будет означать взаимную подмену функций. Взаимодействуя, каждая из сторон – государство и гражданское общество – обязаны оставаться собою.

Беларусь пожинает плоды типичного концептуального заблуждения, в той или иной мере характерного для всех малых государств Центральной Европы последних лет. По словам В. Гавела, их «отличают индивидуализм и граничащая с пренебрежением **недооценка роли гражданского общества** в посткоммунистических преобразованиях... (они) видят в **политических партиях** основной и едва ли не единственный механизм выражения интересов различных социальных групп». В их модели общества «нет места гражданским организациям и ассоциациям; есть лишь граждане, с одной стороны, и государство – с другой» [цит. по: 8, с. 154].

Если партии очутились в ситуации «бурданова осла» – не сумели занять прочного места в политическом пространстве и вместе с тем оказались «страшно далеки от народа», то и состояние ГО таково, какова в целом народная ментальность в ее дезинтеграции, «атомарном» состоянии, разочаровании в групповых связях, способности к самоорганизации.

ГО, возможно, как никакая иная социальная структура, способно возникнуть и развиваться лишь **органическим** путем становления зрелых – деятельных и свободных личностей, развития потребности в их устойчивых ассоциативных связях и партнерстве с государством. Вместе с тем, по Р. Дарендорфу, ГО может не только стихийно возникать, но и сознательно **формироваться** на основе демократической стратегии и адекватной практической политики государства.

Это объяснимо не только дефицитом корневой системы ГО, но и формально – отсутствием **правовой** императивности отношений между государством и ГО. В Конституции Республики Беларусь есть раздел «Личность, общество, государство». Здесь на уровне мировых стандартов прописаны права и свободы граждан как высшая цель государства, его обязательства перед гражданами, но **нет даже понятия «гражданское общество»**. По аналогии с неписаной английской конституцией, это не беда, во всяком случае – поправимо. Главное же в том, чтобы потенциальные субъекты ГО практически обретали «плоть и кровь», и для начала это требует устранения фун-

даментальных стереотипов как со стороны государства, так и общества. Ему еще предстоит стать гражданским, воплотившись в целостной сети неполитических связей и структур.

Кризис в белорусско-российских отношениях и необходимость как внешней, так и внутренней **переориентации** императивно требуют от государства не просто диалога с обществом, а **опоры** на такой диалог с целью внутренней стабилизации и мобилизации сил. Ближайшее будущее покажет способность к такой «смене вех». Важно, чтобы государство не ограничивалось диалогом по вопросам политической стабилизации общества. Недостаточно востребованным остается диалог вокруг общенациональных проблем, способный инициировать становление одних и выращивание иных неполитических общностей и групп до зрелых субъектов ГО. Здесь – колоссальный резерв активизации творческого народного потенциала.

ОСОЗНАНИЕ СЕБЯ В МИРЕ

Смысловая структура пространства, в котором возникла и утверждается Беларусь, – это не только ее совершенно новые, но и внешне традиционные компоненты. Согласно Гегелю, **суверенитет государства** – это суверенитет, направленный **вовнутрь**, он имеет еще другую сторону, направленную **вовне**. Такое «вовне» – дифференцированная и противоречивая структура, поскольку государство находится в определенных отношениях не только с **одним** государством, а со многими, и запутанность отношений приводит к таким сложностям, которые могут быть разрешены лишь высшей властью.

На исходе XX века Беларусь оказалась вовлеченной в «парад суверенитетов», и ей предстояло решать сформулированную П. Лумумбой дилемму: «Независимость – не фетиш, а сырой материал. Из него можно вылепить как произведение искусства, так и дешевую поделку». Подобно другим постсоветским государствам, Беларусь оказалась в состоянии **бифуркации**, т.е. **неопределенности вектора** своей трансформации.

«Снять» эту неопределенность – значит осознать, что в условиях современности роль государства во многом обусловлена степенью его соответствия вызовам **глобализации**. Перефразируя Спинозу, по этому поводу можно плакать или смеяться, но главное – понять действительно непростую судьбу государства в таких условиях.

Что делать в такой далеко не тривиальной ситуации? Исторический опыт свидетельствует о способности народа Беларуси к созданию и развитию государственности, но ее потери и достижения – в политических **объединениях** с другими народами. Видимо, специфику белорусской государственности следует искать в **недостаточной сформированности оснований** ее как политически самостоятельного субъекта.

Этот, на мой взгляд, вполне реалистичский вывод – естественный продукт отмеченных выше и характерных для всех народов и государств Центральной Европы **геополитических** озабоченностей, **провинциального** комплекса и **фаталистического** прессинга. С распадом СССР и «покинутостью» Беларуси Западом и Востоком, озабоченными вначале только «большой шахматной игрой», произошла дальнейшая дезориентация и провинциализация Беларуси [см.: 9, с. 152].

Провинциализм белорусской элиты – не новый феномен, и его корни глубже. Он имеет свои **аналоги в немецком** развитии, отмечает исследователь А. Зам. И для германских государств до их воссоединения были характерны отсутствие традиции суверенной государственности, исторической ответственности и инновационной деятельности. Для белорусской элиты в составе российской, а затем советской империи также характерен **имитационный** характер деятельности за спиной «большого брата» и более того – российской культуры/цивилизации. «Новая» задача элиты сводилась лишь к дистанцированию от бывшего центра империи с целью передела и приватизации власти и собственности.

В целом тенденции **восходящей культурной роли** белорусов в творении культур соседних народов все более противостояла нисходящая **цивилизационная** тенденция превращения Беларуси в ристалище культурно-цивилизационного противостояния Запада и Востока, в лучшем

случае – «мост» между ними. Культурное ядро белорусского народа постепенно сжималось, выживая перед лицом **полонизации** и **русификации**. Ф. Богушевич писал: «Наша мова для нас святая, бо яна нам ад Бога даная, як і другім добрым людцам, і гаворым жа мы ёю шмат і добрага, але так ужо мы самі пусцілі яе на здзек... Яно добра, а нават і трэба знаць суседскую мову, але найперш трэба знаць сваю... Шмат было такіх народаў, што страцілі найперш мову сваю, так як той чалавек прад скананнем, катораму мову займе, а потым і зусім замёрлі. Не пакідайце ж мовы нашай беларускай, каб не ўмёрлі!» [10, с. 25–26].

Неуклонно, пишет В. Конон, утрачивалась способность «сохранять гармоничную меру взаимодействия собственно-национального «ядра» и межнациональных духовных взаимодействий». В итоге возникли псевдонациональные и, следовательно, псевдокультурные **мутанты**. «Белорусскую литературу, – заметил М. Седнев (США), – я назвал бы литературой на белорусском языке. Национальной она была только условно... белорусская литература была советской литературой... советское исключает национальное» [11].

И все же даже советский период не смог окончательно довершить **денационализацию** белорусской культуры. Все, что является непреходящим в подлинно белорусском культурном наследии, остается одним из столпов современного этапа общенационального духовного обновления. Однако новый виток его возрождения парадоксальным образом связан с разночтениями по поводу **субъекта** национальной идеи, ее этноцентристской или полиэтнической интерпретациями. Их смысл виден в диалоге двух экспертов: «Мы являемся свидетелями национального возрождения. И не только белорусского. Но иногда белорусские деятели примерно так высказываются в адрес представителей других национальных меньшинств: подождите, вот возродим белорусчину, а там уже и вам поможем. – Мы стали свидетелями двух параллельных процессов национального возрождения – белорусского и малых национальных групп – русской, польской, украинской, еврейской, литовской. И думается, совсем не нужны упреки, кто более пострадал. Потерпели все в одинаковой степени» [12].

В СЕРДЦЕ КОНТИНЕНТА

Известный вопрос Киплинга о России: «Самая западная из восточных или самая восточная из западных?» в еще большей мере относится к Беларуси. Точнее, с точки зрения **геополитики** биполярного мира он однозначно интерпретировался как принадлежность Беларуси к «Востоку». Однако в **культурно-цивилизационном** измерении устойчиво сохраняется двусмысленность. Она обусловлена трактовкой христианского мира как одной либо двух различных цивилизаций – протестантско-католической и православной. В первом варианте Беларусь идентифицируется с Европой, во втором – остается за ее пределами, в рамках «славянского треугольника» (Россия, Украина, Беларусь). В зависимости от такого контекста Беларусь либо отождествляет себя с Европой, либо испытывает дефицит «европейскости». Такой синдром «расщепленного сознания» переживают многие страны Центральной Европы, которые недавно были в орбите советско-коммунистической империи, а ныне избрали ориентацию на Запад, в Евросоюз.

В таком ракурсе вышеупомянутый А. Зам отмечает, что ситуация в Беларуси начала 90-х годов имела свой **аналог** в немецком развитии, который получил название *Sonderweg* – **особый путь** [9, с. 154]. Действительно, германские государства периода консолидации в единое целое переживали весь комплекс синдромов других средневропейских государств – географический, провинциальный и фаталистический. Варварская, порывающая со всеми культурно-цивилизационными нормами попытка преодоления этих синдромов на пути расизма, шовинизма и имперской державности в период нацистской диктатуры оказалась не только бесплодной, но и катастрофичной для немецкой нации. Только возвращение в семью цивилизованных народов Европы и опора на гуманистические ценности немецкой культуры позволили Германии встать на такой *Sonderweg*, который является во многом поучительным для Европы.

«Вечное возвращение» (Ницше) характерно для Беларуси. Ей предстоит избавление от командно-административного флюса коммунистического наследия и творческая реконструкция исторически вы-

работанных культурно-цивилизационных оснований народа, который всегда искал и ищет свое место в европейской истории и современности.

Предпосылки белорусской субъектности общеизвестны. В современной Беларуси работников с высшим и средним специальным образованием в расчете на 10 тыс. человек больше, чем в других 10 из 15 республик бывшего Союза. Еще в начале 90-х годов годовая выработка чистой продукции на одного занятого составляла 41 % этого показателя в Германии. Японские партнеры нашей страны обнаружили «неостывшую способность» белорусских рабочих и инженеров «давать высококлассную продукцию. Здесь умеют хорошо работать и выпускать не сырье, а готовую продукцию нужного качества» [13]. Репутация Беларуси как «сборочного цеха» – не только порок, вызванный былой моноспециализацией, но и технологическая добродетель, свидетельство массовой способности к освоению индустриальных технологий. Достаточно развиты НИОКР в таких областях, как порошковая индустрия, электроника, компьютеризация, биофизика. Согласно данным ООН за 2009 год, по **индексу человеческого развития** (совокупности индексов продолжительности жизни, образовательного уровня и благосостояния народа) из 174 государств Беларусь занимает 57-е место – самое высокое среди стран СНГ (Россия находится на 62-м месте, Украина – на 78-м).

С таких позиций реанимация стагнирующего **среднеиндустриального** комплекса на основе мобилизации, прежде всего, интеллектуального потенциала – не только вполне реальная задача, но для Беларуси, как страны, практически лишенной сырьевых «козырей», – единственный шанс к выживанию и утверждению своего места в Европе.

Многомерный анализ становления, структуры и динамики белорусского культурно-цивилизационного ареала подтверждает гипотезу его принципиальной **идентичности** с моделью народов и государств Центральной Европы. Беларусь всегда характеризовалась «максимумом многообразия при минимуме жизненного пространства», исторической общностью полиэтнического архетипа с соседними европейскими народами; выступала водоразделом ветвей христианской культуры –

католической, православной и униатской; ристалищем культурного мессианизма и цивилизационного миссионерства великих держав, напряженным театром военных действий прошедших и потенциальных мировых войн, пространством дефицита материально-энергетических ресурсов и вместе с тем наличия главного производительного ресурса – квалифицированного работника.

Однако, даже приняв в качестве рабочей гипотезы идентичность Беларуси с Центральной Европой, ее место и роль как одного из центральноевропейских субъектов, нельзя не обратить внимания на традиционно уникальный характер отношений Беларуси с Россией и Западом. Эта специфика прослеживается на протяжении всей истории Беларуси, ее маятниковых ориентаций между Западом и Востоком. Тем не менее, на конференции белорусских и немецких историков в Штутгарте в 1996 году немецкий профессор Д. Байров сформулировал положение о Беларуси как **периферии** культурно-цивилизационного «пограничья» и геополитическом «перекрестке» интересов Запада и Востока. Белорусские коллеги не согласились с этим определением в одном принципиальном пункте: Беларусь – «пограничье», «перекресток», но не периферия, а провинциализм – проблема психологическая.

Ключевой вопрос в том, **каково** это место, верен ли постулат о Беларуси как фронтире Запада и Востока. Беларусь еще далека от однозначного ответа на этот вопрос. Один из известных белорусоведов профессор В. Конон отмечает: «Общественная мысль в Беларуси поляризовалась, население поделилось на белорусов – тех, кто за суверенную, независимую белорусскую государственность, за полноправное экономическое и культурное сотрудничество с «востоком» и «западом», и на антибелорусов – тех, кто отрицает национально-культурную самостоятельность Беларуси, а также тех, кто посередине, – не занимает никакой позиции или мечтает про «добрые старые времена» [14, с. 28–30].

«Крестный отец» тоталитаризма Платон полагал, что критерием мудрости гражданина является не отношение государства к нему, а наоборот – его отношение к

государству. История повторяется: отношение к белорусской государственности оказывается пробным камнем, основным **цивилизационным критерием** размежевания на «овец» и «козлищ». Такая ориентация оказала медвежью услугу белорусской **культурной** самоидентификации.

Этот вопрос требует специального рассмотрения, но здесь достаточно отметить три принципиальных «точки отсчета».

Первая из них заключается в исторической традиции принадлежности «старожытнай» Беларуси к Европе-2, семье малых среднеевропейских народов и, соответственно, **европейскому** культурно-цивилизационному вектору [15, с. 469–475]. Проблема, однако, в том, что этот архетип недостаточно укоренен в народном сознании и сохранился в идеализированной форме в сознании определенной части элиты белорусского этноса. Это не фатально (сравните с судьбой государства Израиль и иврита), и ответ на вопрос о возможности реанимации белорусского архетипа – «временная величина» (П. Сорокин).

Вторая «величина» в этой формуле обусловлена смещением центра тяжести дальнейшей эволюции Беларуси от идентичности **самой восточной** части Европы-2 вначале к исторической доле пограничья с Европой-3, или Россией, а с инкорпорацией Беларуси в Российскую и далее – советско-коммунистическую империю – до отождествления с **самым западным** рубежом России/СССР. Трехвековой русский культурный мессианизм, деформированный великорусским шовинизмом и коммунистическим «безнационалом», трансформировал результаты цивилизационного миссионерства и ассимиляции из внешнего фактора-необходимости во внутренний – потребность народного менталитета. Ностальгия по относительно «благополучной» БССР – лишь камертон этой потребности бытия вместе с Россией. Нынешние попытки формирования Союза с ней не сводимы к внешней политике страны и во многом имеют органический характер. Глубинное основание проблемы – не только в сохранении государственного суверенитета Республики Беларусь (что само по себе – самоценность), но и в культурной деятельности по реанимации и творческому **обновлению** белорусского среднеевро-

пейского архетипа и вместе с тем – тесного взаимодействия с Россией.

В-третьих, в концептуальном плане, как и в практической политике, требует переоценки отношение Беларуси к определению смыслового термина **фронтир**. Этот термин этимологически восходит к англ. frontier – «граница», исторически – к концепции фронта как «пограничья» между цивилизацией и «варварским» миром (Ф. Тёрнер). Фронтир играет принципиально иную роль в сопоставлении с **границей**. О ней можно сказать по Ф. Кафке: «То, что раньше представлялось разделяющей полосой, теперь стало стеной или горой – или, вернее, могилой». А. Камю называл границы «грубыми миражами истории».

В отличие от границы и во многом в противоположность ей, фронтир – это *маргинальное* состояние. Этимологически это понятие восходит к латинскому слову *cardo* – край, каемка, обрамление, межа, граница и к названию пограничной древнеперсидской области Маргиана. По сути фронтир – это взаимопроникновение и противоречивое сочетание различных культурно-цивилизационных практик в таких формах, как конфликт, симбиоз и предсинтез. Фронтир изначально был наделен огромным ценностно-символическим смыслом **рубикона**, который необходимо пройти, или **пропасти**, в которую можно обрушиться.

Эволюция содержания термина «фронтир» в XX веке позволяет ввести его в научный дискурс как одну из смыслообразующих идей и символически представить ее в виде креста. На своем перекрестии – смыслообразующем **логосе** – фронтиры предстают, прежде всего, как универсальная (в терминах З. Фрейда) «любовь-ненависть» базовых ценностей/антиценностей **осевых смыслов** культурно-цивилизационных комплексов (КЦК). «Горизонталь» креста, или **топос** фронтиров, в основном выявляется как результат двуединства устойчивого ценностно-смыслового **ядра** и динамичной **периферии** объективно различных КЦК либо воспринимаемых как неоднотипные сущности. Наконец, **хронос** фронтиров – это процесс и результаты динамичной преемственности и отрицания отмеченных противоречий в их конкретно-исторической эволюции.

Республика Беларусь – воплощенный фронтир Запада – Востока. Принципиальное понимание ориентации Республики Беларусь в современном мире выражено в формуле: «Мы выбираем не Восток и Запад или же Восток или Запад – **МЫ ВЫБИРАЕМ БЕЛАРУСЬ**, которая в силу экономики, в силу истории, в силу географии, в силу культуры и менталитета будет и на Востоке, и на Западе» [16]. В Послании Президента белорусскому народу и парламенту неоднократно подчеркивается, что она находится не на «Западе» или «Востоке», а «**здесь**», в сердце европейского континента [17]. В такой ситуации – и известные трудности, и очевидные преимущества. Первые из них требуют преодоления, вторые – реализации. В обоих вариантах национально-государственная идеология государства Республики Беларусь должна стать путеводной звездой народа, которому еще предстоит трансформация народа «в себе» в народ «для себя» – реальный субъект своей истории и современности. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Зидентоп, Л. Демократия в Европе / Л. Зидентоп. – М., 2001.
2. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира. Социология XXI века / И. Валлерстайн. – М. 2003.
3. Левяш, И.Я. Соответствовать национальной идее... / И.Я. Левяш // Беларуская думка. – 1996. – № 8.
4. Левяш, И.Я. Культурология / И.Я. Левяш. – Минск, 2001. – Гл. 3, 5.
5. Левяш, И.Я. Белорусская идея: в поисках идентичности / И.Я. Левяш // Беларуская думка. – 2001. – № 11.
6. Солоневич, И. Народная монархия / И.Солоневич. – М., 1991.
7. Кравченко, И.И. Концепция гражданского общества в философском развитии / И.И. Кравченко // Полис. –1991. – № 5.
8. Шимов, Я.В. Гражданское общество и правящая элита в переходный период: чешский вариант / Я.В. Шимов // Полис. – 2001. – № 3.
9. Беларуская-нямецкая грамадска-культурная ўзаемадзейнасць: гісторыя, сучаснасць, перспектывы: матэрыялы міжнароднага круглага стала. – Мінск, 1996.
10. Багушэвіч, Ф. Выбраныя творы / Ф. Багушэвіч. – Мінск, 1952.
11. Літаратура і мастацтва. – 1995. – 23 чэрвеня.
12. Звезда. – 1993. – 6 студзеня.
13. Известия. – 1995. – 7 октября.
14. Конан, У.М. Гутарка двух беларусістаў – мінскага і маскоўскага: [Аб культур. узаемасувязях Расіі і Беларусі] / У. Конан, Л. Званарова // Кантакты і дыялогі. – 1996. – № 5.
15. Левяш, И.Я. Беларусь между Европой и Евразией: геософское измерение / И.Я. Левяш // Мировоззренческие и философско-методологические основания инновационного развития современного общества: Беларусь, регион, мир. – Минск.: Право и экономика, 2008. – С. 469–475.
16. Советская Белоруссия. – 2004. – 23 июля.
17. Послание Президента Республики Беларусь белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president.gov.by/press86246.html>.